

Григорий Певцов

Член Союза писателей Москвы

Заместитель главного редактора альманаха «Литературные знакомства»

**БАЛЬМОНТ И ПОЛЬСКИЕ ПОЭТЫ:
ДУХОВНАЯ ЛИРИКА ЮЛИУША СЛОВАЦКОГО****Key words:** Christ, Spirit, Poland, Juliusz Słowacki, Konstantin Balmont

На протяжении всей своей творческой жизни Константин Бальмонт проявлял немалый интерес к польской литературе, и, прежде всего, к поэзии. В разные годы он переводил Адама Мицкевича, Юлиуша Словацкого, лирические произведения Станислава Высянского и Болеслава Лесьмяна, польские народные сказания – сказания о Твардовском («Зеркало Твардовского», «Твардовский», «Вечная юность Твардовского»).

В 1920-е годы особое внимание Бальмонт уделил переводу творческого наследия выдающегося поэта и ученого, профессора Львовского университета Яна Каспровича, цикл стихотворений которого «Гимны» («Моя вечерняя песня») перевел еще в 1911 году. Каспрович был женат на русской, урожденной Марии Буниной. В 1926 году поэт ушел из жизни, и годом позже, во время своего пребывания в Польше, Бальмонт по предварительной договоренности нанес визит его вдове.

Польшу Бальмонт посетил вместе с супругой Еленой Цветковской. Они приехали в середине апреля 1927 года и провели в турне по польским городам около двух месяцев. Бальмонт несколько раз выступал в Варшаве, где встречался с видными деятелями польской культуры, среди которых был и известный поэт Юлиан Тувим, испытавший немалое влияние одного из основателей русского символизма. Прием был необычайно теплым. Бальмонт много общался, легко говорил по-польски и вызвал всеобщее восхищение. Его триумфальная поездка по стране охватила многие города: Краков, Познань, Белосток, Лодзь, Вильно (бывший тогда польским городом), Гродно, Львов.

В письме от 2 мая 1927 года Екатерине Алексеевне, находившейся тогда в Москве, Бальмонт сообщал: «...Уже более двух недель в Польше... (...) Я боялся ехать в Польшу, боялся разочарований, а приехал – к родным людям, в родной дом. Ласка, вежливость, гостеприимство, понимание и отличное знание всего, что я сделал, и всего, что я люблю (...). Я провел обворожительную неделю в Харенде, в Закопане, в Татрах, у Марии Каспрович (она русская, изрядно позабывшая русский язык). Я приехал в ее дом в горах, над потоком, как приехал бы в Гумнищи. Она сразу вошла в мою душу. (...) Там в три дня я написал по-польски очерк о Каспровиче как поэте польской народной души, и поляки восхищались моим польским языком» [Андреева-Бальмонт 1996, 531].

Сама книга *Ян Каспрович. Поэт польской души*, также написанная Бальмонтом, вышла чуть позже, в 1928 году, в Ченстохове, и в том же году вышла *Книга смиренных Я. Каспровича* в переводе Бальмонта в Варшаве.

Визит русского поэта в Польшу в апреле – мае 1927 года был отражен на страницах рижской газеты «Сегодня» в заметке варшавского корреспондента газеты А. Добротина «Бальмонт в Польше». Автор заметки свидетельствует о необычайно теплом отношении поляков, включая лучших представителей писательской среды, к русской поэзии и непосредственно к ее ярчайшему представителю Константину Бальмонту. До войны в силу сложившейся тогда политической ситуации подобный прием был бы совершенно невозможен, а после восстановления государственной независимости Польши К. Бальмонт встретился «с живыми симпатиями поляков к русской культуре и с их благодарностью по отношению к тем, кто в годы разделов и несчастий Польши умел быть другом польского народа» [Добротин 1927, 3].

Об исключительном внимании к Бальмонту в польской столице (по сравнению с другими иностранными гостями), которое превзошло все ожидания, красноречиво говорят события, связанные с его участием вместе с супругой в торжественном мероприятии, организованном в парке «Лазенки Крелевские» в Варшаве офицерами первого полка шволежеров польской армии.

Мероприятие включало в себя конные состязания солдат полка. Наряду с молодыми польскими литераторами среди приглашенных присутствовал и английский писатель Честертон. В своей заметке А. Добротин, свидетель происходившего, особо отмечает следующий факт: «с просьбой о раздаче наград отличившимся шволежерам командир полка, полковник Венява-Длугошевский, бывший адъютант маршала Пилсудского во время мировой войны, обратился к супруге К.Д. Бальмонта. Так, на глазах у многочисленной публики, среди которой было много поляков и иностранцев, но почти не было русских, русская гостья выступила в роли лица, раздающего награды польским солдатам. При всей своей внешней

незначительности, факт этот, несомненно, не лишен глубокого внутреннего значения...» [Добротин 1927, 3].

В Варшаве Бальмонт выступил с тремя докладами: первый – о Яне Каспровиче – на польском языке, далее – о русской эмиграции и о своем путешествии по Океании – на русском. Чтение всех трех докладов прошло блестяще. Благодарные слушатели провожали дорогого гостя после каждого выступления.

Случилось, как это часто бывает с истинными поэтами, и небольшое недоразумение. В день чтения доклада о русской эмиграции Бальмонт забыл о своем выступлении и безмятежно уснул у себя в номере. Разбуженный польским поэтом, он немало удивился тому, что в соседнем с его гостиницей здании, где должен был состояться доклад, уже больше часа его ждет недоумевающая публика. Спешно собравшись, он уже через несколько минут стоял на эстраде. Попытка оправдаться перед пришедшими, свалив всю вину на варшавских извозчиков, вызвала лишь добродушную усмешку аудитории. Все эти обстоятельства, однако, никак не омрачили успешного выступления поэта. Публика рукоплескала.

Среди лучших польских поэтов Бальмонт особо выделял Юлиуша Словацкого. Он не только перевел ряд его произведений, но и посвятил ему в сборнике собственной прозы «Где мой дом?», куда вошли очерки 1920-1923 годов, отдельный очерк «Мысли Словацкого». В нем Бальмонт проводит некую параллель в оценке наиболее выдающихся, по его собственному выражению – «краеугольных», поэтов России и Польши.

Говоря о русских поэтах, он свидетельствует о том, что с начала века двадцатого к двум традиционным именам Пушкина и Лермонтова присоединились «как равноправные два благородных имени – имена, не менее лучезарные, чем те прежние звезды – Тютчев и Фет» [Бальмонт 2010, 6, 187], и далее проводит поэтические сравнения: «Пушкин – Заря наша, Лермонтов – Комета, Тютчев – звездная Ночь, Фет – любовный Сад, звонкая от птичьих песен роща» [Бальмонт 2010, 6, 187]. Без этих поэтов наши чувства не могут быть «светлыми», «утонченными», «музыкальными». Это четыре угла русского «поэтического Эдема» [Бальмонт 2010, 6, 187].

Точно так же, говоря о поэзии польской, Бальмонт называет три «краеугольных» имени: Мицкевич, Словацкий, Красинский. Он считает, что без «Дядюв» Мицкевича, «Лилли Венеды» и «Балладинь» Словацкого, и «Небожественной Комедии» Красинского невозможно постичь польскую душу: «без этих трех лучистых звезд нет сада с польскими цветами и мечтами» [Бальмонт 2010, 6, 188].

В очерке Бальмонт пишет, что из этих трех гениальных польских поэтов ему всего ближе Юлиуш Словацкий. Он называет его «нежным, изысканным, проникновенным, и умно-язвительным, и несравненно-музыкальным» [Бальмонт 2010, 6, 188], считает, что Словацкий воплотил в своих драмах «стрелометность и многогранность польской Души»

[Бальмонт 2010, 6, 188]. Думается, что это не случайно, так как сам Бальмонт в полной мере обладал всеми этими качествами и, едва ли можно найти другого русского поэта, в такой степени близкого Юлиушу Словацкому. Многими мыслями и образами Словацкому близок и Блок, но характером звучания и световой тональностью стиха Бальмонт все-таки ближе.

Притяжение родственных поэтических душ и высокое поэтическое мастерство Бальмонта породили поистине прекрасные переводы высокодуховной поэзии и драм Словацкого, яркие и полнозвучные, отличающиеся тонкой и стилистически выразительной музыкальной фактурой.

Выбор произведений для перевода не был случайным. Он отражает напряженные духовные поиски и раздумья самого Бальмонта. В переводах русского поэта Юлиуш Словацкий предстает подлинным пророком, каковым он и являлся, духовидцем, утверждающим христианские ценности, искателем высшей божественной истины, поэтом необыкновенной песенной силы, устремленным вглубь человеческой души, всем сердцем любящим свою отчизну и переживающим за ее будущее.

В стихотворении «О Польше» автор сравнивает ее с повелительницей морей Амфитритой, супругой Посейдона. В переводе Бальмонта это звучит так:

Моя богиня Моря это Польша,
Плывущая волнистым морем нивы,
Исполненная чар и белизны. –
Так я скажу, что эта Королева,
Заслыша, что идет с полночи буря,
Запрячь велела нимфам лебедей
В серебряную раковину Моря
И села в эту чудо-колесницу [Бальмонт 1990, 269-270].

Прибыв на Олимп, чтобы просить Зевса о милости, богиня вдруг видит громовержца погибшим под крестом Спасителя:

Но мертвый под крестом Христа лежал он.
Его чело разбито, мозг разбрызган,
В руке остывшей догорал еще
Цвет молнии, бросая золотые
Сияния на крест и на другого
Немого бога на кровавом древе [Бальмонт 1990, 270].

Просить не пришлось, буря уже укрощена, языческие боги повержены пред распятым Христом ценой Его искупительной жертвы, Его мук, смерти и Воскресения. Умер Великий Пан. Над землей возшел свет новой веры Христовой.

Ощущение краха старого языческого мира усиливается образами Валькирии, поющей в «разъятых» небесах «ужасные руны», и свисающего с утеса мертвого Прометея с разорванной и пустой грудью.

Обретшая новую веру, благословлённая в путь Христов, Польша идет своей нелегкой, тернистой дорогой со многими жертвами и испытаниями, но неизменно храня верность христианским ценностям и заветам. В заключительной части стихотворения слышится нота тревожных раздумий о будущей судьбе родины:

Чрез тот Олимп, на крыльях белоснежных,
Тебя, о Польша, лебеди промчали
И пели песни до тех пор, пока
Тебя не убаюкали, – тут, смолкнув,
Они скончались, в песнях вылив жизни. –
Проснулась ты, а их уж больше нет.
И в гай, в лес пошла ты, между сосен,
На ландышах на бледных гредишь ты [Бальмонт 1990, 270].

Многострадальной Польше посвящено и стихотворение «О несчастливая...», в котором тревога за будущее родной страны неожиданно сменяется верой поэта в светлую, жизнеутверждающую миссию своей отчизны. В переводе Бальмонта оно звучит так:

О несчастливая, кого благословляю,
К тебе, о родина, наперекор судьбе,
Еще я крестные объятья простираю,
И все ж спокоен, ибо знаю,
Что солнце жизни носишь ты в себе [Словацкий 1984, 186].

В стихотворении «...На то один ответ. Взнеси в своих руках...», также переведенном Бальмонтом, выдающийся польский поэт-духовидец поднимает древнюю и важнейшую тему отношения души и духа. Дух и душа... Как они связаны друг с другом? Одухотворенная, крылатая душа, нежная, любящая и светлая, предстает в стихотворении персонифицированно – в образе Психеи, одним из символов которой в древности была бабочка:

...На то один ответ. Взнеси в своих руках
Лампаду нежную Психеи... [Бальмонт 1990, 270]
И далее:
...Дух – мир... И в образ тот,
В лик духа устремим наш взор, среди темнот.
.....
Мы в мыслях обречем вздымающие крылья [Бальмонт 1990, 270-271].

Польский поэт утверждает своим словом первичность Духа, поет его торжество над миром материальным, неизменно влекущее победу жизни над смертью и воскрешающее ушедшие миры:

Тут лишь один ответ. Воистину велик,
Кто может, услышав, не утратить из слуха,
Что все сотворено чрез духа – и для духа.
А если это так, весь прошлый мира лик
В нас умер, погребен и встал для воскресенья [Бальмонт 1990, 271].

Бог живет не в море зорь и не за ликом лун, а в человеческой душе, в «деяньях духа». В стихотворении отчетливо звучит пасхальная тональность, тема воскресения каждого отдельного человека и всего народа:

...но Бог не там, за мглами упования,
 Но Он не в море зорь и не за ликом лун,
 Не в смутных снах людских, как роза, окровавлен,
 В деяньях духа Он – в ларце его трудов –
 И в воскресениях народа многозвездных –
 В восстании людей из сумрачных гробов –
 И в каждом Он из нас... [Бальмонт 1990, 271]

Но автор одновременно подчеркивает и половинчатость, призрачность земного бытия, его мировосприятию не чужды платоновские мотивы:

Он, говорю, – Бог-Дух, – свеча над нашей пылью,
 Здесь, в темных ангелах, чья жизнь есть полумгла,
 Он полувоскрешен – нам золотит тела [Бальмонт 1990, 271].

В заключение, поэт-пророк, слышащий Бога, утверждает истинную духовность, стремится сберечь бессмертную человеческую душу, спасти ее под покровом высшего начала, истинно Божественного Духа:

Дозвольте ж, чтобы вас другой епитрахилью,
 Над той, в которую священника рука
 Одевает вас, теперь облек я на века –
 И увенчаю вас – лампада же Господня
 Пребудет в Вечности, зажженная сегодня [Бальмонт 1990, 271].

В исполненном духовного огня стихотворении «Мать» явно чувствуется сакральность высшего материнского начала, идущего от Богородицы:

В темнотах материнский вижу лик.
 К вратам из радуги идет. Горит долина.
 Но смотрит чрез плечо она, в тот вышний миг,
 И там в глазах видать – глядит она на сына.
 [Словацкий 1984, 146]

Бальмонтом был также сделан перевод трех драм Словацкого: «Лилля Венедь», «Балладинь» и «Гелиона-Эолиона», впервые вышедший в 1911 году в Москве одной книгой «Три драмы Юлия Словацкого. Балладина. Лилля Венедя. Гелион-Эолион. Перевод с польского стихами К.Д. Бальмонта» в издательстве «Издание М. и С. Сабашниковых». При этом русский поэт считал своего польского собрата не только блестящим драматургом и лириком, «равного которому в смысле певучести трудно найти среди самых больших Мировых поэтов» [Бальмонт 2010, 6, 188], но и глубочайшим мыслителем. В своем очерке, посвященном польскому поэту, Бальмонт приводит выбранные им отрывки философских рассуждений и заметки из дневника Словацкого («Fragmenty filozoficzne» и «Notatki

i zapiski w raptularzu»). Видно, что они во многом созвучны переводчику, как глубиной и точностью мысли, так и безукоризненным изяществом формы.

Вот, например, высказывание Словацкого о силе духа и верности родиче истинного патриота, который и один в поле воин: «Рим городом был до конца – каждая деревня сегодня может начать быть Польшей; что говорю... – человек один может это сделать... уж сделал» [Бальмонт 2010, 6, 188].

А вот слова о духовной сущности мироздания: «Из слов этих, что все через духа и для духа сотворено, – а ничего не существует для телесной цели, – выйдет будущий творческий Божий народ – вождь народов и законодатель» [Бальмонт 2010, 6, 189]. И далее: «Мысль эта есть дух – по ее следствиям узнаете ее – кто примет духа, будет расти, кто не примет, будет мельчать» [Бальмонт 2010, 6, 189].

Одна из самых главных ценностей для поэта – любовь, открывающая человеку путь в небо: «Не тяжесть греха, а недостаток полетного пламени любви удерживает тебя на земле с громадой тебе подобных» [Бальмонт 2010, 6, 189].

Дух, по мнению Словацкого, господствует над плотью, управляет ею. Человеку прежде нужно вылечить дух: «Я говорю тебе: вылечи в горбатом горбатость духа. Ибо если только тело выпрямишь на кресте и железном ложе – дух этот избавится от выпрямленных костей и другой раз уродится горбатым...» [Бальмонт 2010, 6, 189]

Словацкий считает, что духи рыцарей и духи поэтов прежних времен бессмертны и постоянно являются на землю с посланнической, пророческой миссией. Говоря о вечном продолжении работы духа, польский поэт подчеркивает непрерывность духовной преемственности рода человеческого. Более того, эта духовная миссия не знает и национальных границ. Земля становится единой семьей народов: «С поля битв, где бились за свободу, тысячи возросших духов – смертью захваченных – шли снова облекаться в тело и с еще большим презрением к смерти работать для мысли народной (...) духи-рыцари (...) и до сегодня прилетают на землю (...) духи поэтов (...), как будто колядуя, посещают народы... в каждом пропоют что-нибудь из духовных тайн... в каждом постигнут духа и уродят ему будущее...» [Бальмонт 2010, 6, 189-190]

Словацкий связывает духовную природу слова с троичностью христианского Божества: «Поймите, что слово есть дух (...) И вы – духи в духе слова и сыны в Сыне Божием» [Бальмонт 2010, 6, 190].

Одной из самых трудно определяемых категорий в эстетике является категория прекрасного, понятие красоты. В этой связи крайне интересно и оригинально данное Словацким определение: «Красота есть все, что *ангелизирует* вещество. Согласно Платону, благо-красота была тогда в беспокойном тосковании душ, то-есть, была только подкрасотой, или *pittoresque*, живописностью, мглой, на которой знание живописует *красоту правды*» [Бальмонт 2010, 6, 191].

Наконец, высказывание устремленного в грядущее Словацкого о поэтах-музыкантах, созидающих чистый звук, предопределяет будущее поэзии: «После великого числа музыкантов, что ныне существуют, будет когда-нибудь великое число поэтических гармонистов, пишущих стихи только для звука – и пойдут выше...» [Бальмонт 2010, 6, 194]

Соприкосновение такого выдающегося и открытого всему миру русского поэта-музыканта, как Константин Бальмонт, с польской культурой, его вдохновенная работа над переводами лучших польских поэтов, живое общение с ярчайшими представителями творческой интеллигенции, молодыми поэтами Польши, блистательное турне по польским городам принесли немалые плоды и в значительной мере способствовали углублению взаимопонимания двух народов и взаимопроникновению двух культур. Бальмонт подарил независимой Польше подлинный дух высокой русской поэзии, а русскому читателю – бессмертные строки лучших образцов поэзии польской.

Библиография

- Andreeva-Bal'mont Ekaterina. 1996. *Vospominaniâ*. Moskva: Izdatel'stvo imeni Sabašnikovyh [Андреева-Бальмонт Екатерина. 1996. *Воспоминания*. Москва: Издательство имени Сабашниковых].
- Bal'mont Konstantin. 1990. *Zolotaâ rossyp'*. *Izbrannye perevody*. Moskva: Sovetskaâ Rossiâ [Бальмонт Константин. 1990. *Золотая россыпь*. *Избранные переводы*. Москва: Советская Россия].
- Bal'mont Konstantin. 2010. *Sobranie sočinenij v semi tomah*. Moskva: Knižnyj Klub Knigovek [Бальмонт Константин. 2010. *Собрание сочинений в семи томах*. Москва: Книжный Клуб Книговек].
- Dobrotin Aleksandr. 1927. *Bal'mont v Pol'se*. Riga: «Segodnâ» № 103: 3 [Добротин Александр. 1927. *Бальмонт в Польше*. Рига: «Сегодня» № 103: 3].
- Slovakij Ūliuš. 1984. *Izbrannoe. Perevod s pol'skogo*. Moskva: Hudožestvennaâ literatura [Словацкий Юлиуш. 1984. *Избранное. Перевод с польского*. Москва: Художественная литература].

Summary

BALMONT AND POLISH POETS: SPIRITUAL LYRICS BY JULIUSZ SŁOWACKI

This paper discusses some important aspects of creative relations between Konstantin Balmont and Polish poets as well as the particularities of translations of the works by an outstanding poet Juliusz Słowacki created by Balmont. Additionally, the article examines the sojourn of Balmont with his wife Yelena Tsvetkovskaya in Poland in 1927 (meetings and speeches given by the poet, the lecture tour of the major towns of the country).

Kontakt z Autorem:
pevtsov.gd@mail.ru